

Фрагмент из романа
«Волны Русского океана»

Ноябрь 1787 года

На чтение государственных бумаг императрица отводила два часа после завтрака и успевала за это время просмотреть всю кипу писем, прошений, докладных записок, которую каждый день подготавливал секретарь. Но сегодня кипа была отодвинута в сторону, а государыня увлеклась чтением. Перед ней лежала стопа листов, исписанных кудрявым почерком; Екатерина Алексеевна тратила на просмотр страницы не более минуты, после чего лист ложился в другую, постепенно растущую стопку. Когда в кабинет вошел статс-секретарь Безбородко, стопки уже сравнялись по толщине.

— Как почивала, матушка государыня? — Александр Андреевич благоговейно принял для поцелуя руку, протянутую императрицей небрежно, без отрыва от чтения.

— Спала, как мертвая, без задних ног, — откликнулась монархиня.

Все годы пребывания в России немецкая принцесса София Августа Фредерика Анхальт-Цербстская очень старалась быть русской и весьма в этом преуспела, однако так и не смогла избавиться от акцента и не научилась правильно пользоваться русскими пословицами. Но это отнюдь не мешало ей не только пребывать на русском троне, но и в политических спорах с Европой и Турцией представлять истинно русской государыней. Да и во внутренних делах — тоже.

Граф Безбородко, будучи гофмейстером императорского двора, то бишь человеком, ведавшим всем и вся, прекрасно знал слабости царицы и снисходительно к ним относился. Иногда деликатно поправлял, иногда подсказывал, но никогда не позволял себе даже скрытой усмешки над ее ошибками. И не потому, что боялся за свое положение, — императрица была женщиной веселой и смешливой и в узком кругу допускала подобные вольности, — просто граф искренне ее любил и глубоко уважал.

Вот и сейчас, наедине, он счел возможным поправить: — Либо то, либо другое, ваше величество. Вместе — так не говорят.

— Ладно, Александр Андреевич, учту. Скажи лучше: ты знаешь такого сибирского зверопромышленника — Шелихова Григория?

— Слышал, — осторожно ответил гофмейстер. — А что тебя интересует, матушка государыня?

— Да вот читаю... Генерал-губернатор иркутский Якобий прислал «Записку» этого самого Шелихова. Как же она называется? — Екатерина выдернула из-под стопы лист и прочла с выражением: — «Российского купца именитого Рыльского гражданина Григория Шелихова первое странствование с 1783 по 1787 годы из Охотска по Восточному океану к Американским берегам». Так вот, сей купец не токмо пишет о промысле морского зверя, но и ратует за колонизацию открытых земель, присоединение их к нашей империи. Описывает климат, географию, население тех мест, сообщает об закладке постоянных поселений, крепостей, об опытах

землепашества и скотоводства, о дружбе с какими-то конягами, о торговле... Представляешь, граф, он там уже школу открыл для детей этих диких американцев и учит их русскому языку. Каков молодец! «Записку» его надо издать книгой, чтобы все знали, какие в России патриоты водятся. А самого купца вызвать в столицу и наградить достойно.

— С тем я и пришел, ваше величество, — оживился граф. — Григорий Шелихов и его компаньон Иван Голиков находятся в столице и просят высочайшей аудиенции для представления своего прожекта об устройстве американских колоний. Прожект поддерживают иркутский генерал-губернатор и Берг-коллегия.

Чрезвычайно удивленная императрица уставилась на гофмейстера:

— Так-так-та-ак... Весьма, весьма любопытственная информация, граф. Не сочти за труд объяснить сей ангажемент?

— Не было ангажемента, матушка, — тут же стушевался Безбородко. — Полное самодействие купцов.

— Удивлюсь, если они уже не ждут в приемной, — язвительно сказала императрица, в упор глядя на гофмейстера. — Али не так?

— Поражен твоей проницательностью, государыня, — развел руками тот. — Истинно так.

— Во-от, — смеясь, погрозила пальцем Екатерина. — От меня ничего не скроешь. Ладно, зови. Приму вне очереди. Хотя... погоди, — остановила она двинувшегося к дверям статс-секретаря и взяла другой лист. — Якобий пишет, что

купцы на обследование Алеутских островов потратили двести пятьдесят тысяч рублей и надо бы их вернуть из казны...

— Точно так, ваше величество, — поклонился Безбородко. — Коммерц-коллегия с этим согласна.

— Еще чего! — возмутилась императрица. — Светлейший князь Григорий Александрович города в Тавриде ставит, корабли Черноморского флота строит, на носу новая война с Турцией, и Швеция такоже ведет себя подозрительно — всюду деньги нужны, в казне днем с огнем шаром покати, а им — двести тыщ! Нет, нет и нет! Да, еще... Из «Записки» я поняла, что господин Шелихов жаждет монополию основать для своей компании, якобы с ней порядка больше будет. Так вот, граф, заруби им на носу: частные монополии противны моим правилам, пускай компании частные конкурируют промежду собой, а монополия может быть лишь государственной.

— Как я понял, матушка, ты им в аудиенции отказываешь?

— Да, пожалуй... сегодня я их не приму, пускай ждут решения. А за их заслуги вручить каждому по именной медали и по шпаге, украшенной бриллиантами. Передай это графу Воронцову. И чтоб создали комиссию специальную, дабы обсудить возможности плавания и коммерции в Тихом океане и Америке, и заключение оной комиссии передать мне. Без промедления!